

Список использованной литературы

1. Семенов, В.С. О перспективах человека в 21 столетии / В.С. Семенов. Вопросы философии. – 2005. – № 9. – С. 26–37.
2. Зинкевич-Евстигнеева, Т.А. Семь дорог женственности / Т.А. Зинкевич-Евстигнеева. – СПб: Речь, 2012. – С. 138.
3. Смотрицкая Г.Е. Гендерная социализация учащихся в условиях современной белорусской школы // Адукація і выхаванне. – 2004. – № 8. – С. 35.

«ПОГРАНИЧЬЕ» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

И.Р. Чикалова
г. Минск, БГПУ

Цель статьи – рассмотрение концептов «фронтир» – «граница» – «пограничье» и выявление их методологическим возможностей при исследовании процессов формирования нации и государства.

Ключевые слова: фронтир, граница, пограничье, Беларусь

Один из основателей геополитики Фридрих Ратцель в своей двухтомной книге «Антропогеография» (1882, 1893), исходя из понимания пространства как политического ресурса и географической обусловленности внешней и внутренней политики государств, указал на значение в процессе образования государства естественной границы. Взгляды Ратцеля оказали влияние на американского историка Фредерика Тернера. В докладе, представленном на заседании Американской исторической ассоциации в Чикаго в 1893 г., он обратился к обсуждению роли в американской истории подвижной границы между поселениями белых жителей Северной Америки и ещё не занятой ими территорией.

Эта подвижная граница у Тернера получила название *фронтира* (англ. *frontier* – «граница, рубеж»). «Именно фронтиру, – пишет он, – американский интеллект обязан своими потрясающими чертами. Эта грубость и сила, соединяющиеся с пронизательностью и любознательностью; этот практический, изобретательный склад ума, быстро находящий средства для достижения результатов; это мастерское понимание сути материального мира, лишённое артистизма, но мощное в достижении великих целей; эта неутомимая нервная энергия <...> – все это особенности фронтира или же свойства, которые оказываются нужны в других местах в связи с его существованием» [1, с. 39]. На протяжении последующей четверти века Тернер на примере историко-культурного развития США развивал теорию *фронтира*, тем самым способствуя, несмотря на критику, интересу к истории открытия и освоения малообжитых пространств и определению значения этих процессов в формировании нации и государства.

Концепт *фронтир* начали применять не только по отношению к истории США, но и к другим странам, которые имели колониционный опыт (Канады, Бразилии, Аргентины, Австралии). Такой опыт был и у России.

С полем исследования границы/фронтира, связано понятие – *пограничье*, которое может рассматриваться не только как экономико-географический, но и как социокультурный и социально-антропологический феномен. Его особенности в определенной степени детерминированы типом государственной границы, ведь границы государства одновременно, отмечает О. А. Филиппова, могут быть по отношению к одному соседу «мягкими», «открытыми», «коммуникативными», «инклюзивными», выступать «соединительными мостами», а по отношению к другому – «жесткими» [2, с.

396]. В то же время, «человеком границы» может называться не только индивид, живущий на границе двух государств, а так же тот, кто вынужден постоянно отстаивать свою культурную идентичность в окружении идеалов и паттернов иной культуры. Поэтому пограничье можно трактовать как особое состояние «человека границы», существующего в рамках как минимум двух культур, двух языков. Таким образом, на формирование человека *Пограничья* оказывают влияние не только государственные, но и культурные и этнические границы.

Все это обуславливает актуальность исследования не просто феномена пограничья, егосоциокультурной специфики, а человека и черт его сознания в ситуации пограничья, когда происходит интенсивное взаимодействие с иными культурами и задействуются основные коммуникативные стратегии: *ассимиляция*, которая в качестве варианта *аккультурации*, приводит к полной идентификации с новой культурой; *сепарация*, представляющая собой отрицание иной культуры при сохранении своих социокультурных особенностей, *маргинализация*, означающая потерю исходных культурных качеств и необретение нового социокультурного багажа, чужеродность как для исходной, так и для новой культуры; *интеграция*, характеризующаяся идентификацией личности как со старой, так и с новой культурами. Почти всегда «человек границы» – это личность трагическая, болезненно реагирующая на окружающий мир и борющаяся с ним. Подобное мироощущение придает особую значимость пограничным диалогам. Столкновение взглядов, постоянное соотнесение «своего» и «чужого», бесконечный обмен культурным опытом – все это способствует культурному обогащению личности, давая возможность существовать на границе пересечения культур. С точки зрения продуктивности коммуникации пограничье становится передовой областью, авангардом межкультурного общения. В свое время М.М. Бахтин высказывал мысль, что каждая культура живёт только во вопрошании другой культуры, великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, в точке их пересечения.

Пограничье выступает как «область особого культурного, политического и экономического взаимодействия, обуславливающего готовность резидентов пограничья к культурному транзиту, а следовательно, способных выступать в бинарной роли посланников своей культуры, посредников, живущих на границе, и в тоже время реципиентов чужой культуры, в первую очередь испытывающих на себе культурное влияние пограничного народа и несущих далее усвоенные ценности в глубь своей территории» [3, с. 188]. Пограничье выступает как канал межкультурной трансляции, как территория активного диалога и сотрудничества между носителями различных культурных традиций. Но не только. Оно становится и «зоной культурного риска, в которой не только реализуется межкультурный диалог, но и имеет место соперничество за контроль над культурным и социальным пространством».

Оформившись в новую междисциплинарную область, исследования пограничья приобрели столь значительно разнообразие и популярность, что в научную повестку, естественно, вошла идея попробовать рассмотреть сквозь призму концепта «пограничье» историко-социокультурный ландшафт Беларуси. И, действительно, в последние несколько лет в сообществе белорусских интеллектуалов концепт «пограничье» не просто стал востребованным, но в его левой фракции возникла и в определенной степени закрепились позиция, предлагающая обратиться к Беларуси как к своеобразному социально-культурному пограничью или части регионального пограничья [4; 5; 6].

Итак, является ли пограничье *периферией*, что такое белорусская культура в контексте пограничья, и какова белорусская национальная и культурная *идентичность* в ситуации пограничья? Философ И. Бобков, отметившийся одной из первых исследовательских разведок методологических возможностей концепта для изучения Беларуси (1999), считает, что Беларусь как государство вся целиком является такой

зоной пограничья, но при этом не является периферией. Белорусская культура «как цельная и полная» «может *состояться* – в сегодняшних условиях – только как *культура пограничья*, как культура внутренней разграниченности, встречи и перехода отличных (разнонаправленных, конфликтных) культурных частей» – пишет Бобков [4, с. 136], и успешность этого заключается в осознании и принятии транскультурности в качестве не только ситуации и существования, но и определения самого себя, присутствия «в культурном пространстве многочисленных Других, наличие разнообразных границ, вынужденность практик перехода этих границ» [4, с. 133].

Первичная концептуализация Беларуси как своеобразного «пограничья» сравнительно быстро завоевала популярность, чтобы из гипотезы и точки зрения превратиться в одну из моделей осмысления социально-культурной ситуации, а также «переосмысления и концептуализации социальных связей, объединяющих белорусское общество» [7]. Сама же ситуация пограничья выступила в качестве контекста и/или структурного элемента политики национальной идентичности, в частности, *белорусской идентичности*. Она в большинстве работ предшествующего периода рассматривалась с точки зрения становления белорусской нации как коллективного социально-госубъекта и ее самоопределения в качестве социальной общности; это – важный тренд, сохранивший и сегодня сильные позиции. В то же время появились работы, в которых белорусская идентичность рассматривается через выявление белорусской самобытности и уникальности, которую следует обнаруживать и развивать. Предлагается остановление диалога белорусской и европейской культуры [8], возрождение белорусской культурной традиции через исследование «подлинного этнического субстрата» [9]; обращение к «гутэйшасці» как к основанию этно-культурного самоопределения [10]. Выдвигается идея рассматривать белорусскую идентичность как компонент социальной идентичности, как осознание отдельным человеком своей принадлежности к белорусам. Так, О. Шпарага рассматривает идентичность как культурно-исторический смысл, возникающий в рамках того или иного сообщества, который «индивид может себе присвоить» [11], предлагая, таким образом, версию национальной идентичности, фактически несвязанную с этно-культурными, территориальными или политическими границами Беларуси, ведь современная культура все очевиднее представляет собой пространство смещения любых границ – территориальных, политических, социальных и цивилизационных.

Таким образом, концепты «фронтир» – «граница» – «пограничье» стали удобными инструментами для организации дискуссии, в центре которой находятся проблемы национально-культурного состояния современного общества и социальной идентичности. Такое обсуждение перспективно разворачивать с участием историков, культурологов, социологов и антропологов тоже на *границе*, но – научных областей, на междисциплинарном, культурно-символическом *фронтире* производства нового знания.

Список использованной литературы

1. Тернер, Фр. Значение фронта в американской истории // Тернер Фр. Фронтир в американской истории / пер. с англ. – М.: Весь мир, 2009. – 303 с.
2. Филиппова, О. А. «Граница» и «пограничье» в контексте политик идентичности / О. А. Филиппова // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: Сб. науч. работ. – Вып. 16. – Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2010. – С. 394–401.
3. Воронченко, Т. В. Трансформация культуры пограничья в эпоху глобализации / Т. В. Воронченко, Н. Н. Сокольских // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. – 2012. – № 3. – С. 187–192.
4. Бобков, И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт / И. Бобков // Перекрестки. – 2005. – № 3–4. – С. 127–136.

5. Филатов, А. Беларусь как пограничье: несколько замечаний о судьбе исследовательского направления / А. Филатов // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2007. – № 3–4. – С. 5–24.
6. Филатов, А. Идея «пограничья» как политика идентичности / А. Филатов // Палітычная сфера. – 2008. – № 10. – С. 39–47.
7. Водолажская, Т. К постановке проблемы белорусской идентичности [Электронный ресурс] / Т. Водолажская // Methodology.by [Режим доступа]: <http://methodology.by/?p=693>
8. Екадумов, А. Бездомная нация из европейского дома / А. Екадумов // ARCHE. – 1999. – № 1 (2). – С. 199–205.
9. Санька, С. Традыцыяналіскі погляд на традыцыю: «прэзумпцыя аўтахтоннасці» і «дэканструкцыя традыцыі» / С. Санька // Анталёгія сучаснага беларускага мыслення. – СПб.: Невский простор, 2003. – С. 46–63.
10. Насута, А. Харызма тутэйшасці / А. Насута // Druvis. – 2005. – № 1. – С. 163–173.
11. Шпарага, О. Поиск идентичности в контексте пограничья: белорусская версия (первое приближение) [Электронный ресурс] / О. Шпарага // <http://belintellectuals.com/discussions>

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ И СТАТУС БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

О.А. Шершнёва
г. Минск, БГУ, olgashershnyova@yandex.ru

Цель статьи – проанализировать статус границы как пространство порождения новых смыслов, аккумуляции и приращения ценностного опыта и условия для конструктивного диалога между культурами разных цивилизаций, а также раскрыть социокультурную специфику белорусского приграничья.

Ключевые слова: граница (пограничье), транскulturность, диалог культур, глобализация, геополитическая нестабильность, реконфигурация.

В условиях геополитической нестабильности и реконфигурации современного мира актуализируется философско-методологический интерес к феномену границы.

Тема границы является референтной и одновременно символической в современном философском дискурсе. Феномен границы возникает на пересечении экзистенциальных, феноменологических, антропологических, герменевтических и других проекций, символизируя собой ситуацию рубежа разных жизненных центров, перехода их из одного качественного состояния в другое. С одной стороны, граница проводит линию водораздела между старым и новым, своим и чужим, традицией и инновацией, классическим и авангардным, тем самым подчеркивает уникальность и неповторимость каждой составляющей бинарной оппозиции. С другой стороны, граница – это место встречи и коммуникации противоположностей, пространство их одновременного сопричастия, взаимообогащения, и в этом смысле граница не только способна разъединять, но и объединять, синтезировать опыт диалектических разнородностей.

Тема границы есть отражение полярности реальности, уходящей своими корнями в древнекитайскую и древнегреческую философию. Так, в древнекитайской философии полярные силы бытия Инь и Янь, обозначая женское и мужское начало, находятся в состоянии противостояния и обуславливают течение всех мировых процессов. В античной философии полярность мира выражалась греческим словом «агон», которое находит свое выражение в мифологическом сознании, в идее военного противостояния в историческом понимании Геродота, Фукидида и Ксенофонта, в философ-